

РАЗГОВОР ПО СУЩЕСТВУ

22 АНЗ 1970

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МАССКИ

МНЕ и раньше приходилось слышать и читать про этот театр, вероятно, самый юный из всех молодых коллективов нашей страны. Он существует немногим более года — Ереванский драматический театр под руководством Р. Капалаяна.

Вероятно, одна из отличительных черт нового театра в Ереване — подчеркнутое нежелание простить «модернизмом» или сверхноватором. Все как будто бы традиционно, скромно и обычно. Ничто с первого взгляда не поражает воображение. И только потом понимаешь, что за всей этой подчеркнутой неоригинальностью — ясная, точная и очень активная гражданская позиция целой группы художников сцены, составивших творческий коллектив.

Театр начал путь в искусстве с самого главного — нашел свою тему. Я видела несколько постановок, и уже можно сказать, что театр ведет разговор с молодым зрителем столицы Армении об ответственности человека за судьбы рядом живущих, разговор о высоком назначении и нравственной ценности человеческой личности и о ее достоинстве. И та особая доверительность, которая возникает между сценой и залом на спектаклях, доказывает прежде всего то, что зритель своему театру верит, вероятно, потому, что театр не предлагает компромиссных решений или старательного замазывания острых углов. Наоборот, зачастую оценки театра удивительно резки, по-юному прямолинейны. Он с какой-то пронзительной искренностью выносит на сцену результаты своих раздумий над жизнью, предлагая ясное, прямое решение, принципиально отметая недомолвки и недосказанное.

О «Ночной повести» К. Хониянского много писали. Но мне впервые в Ереване удалось увидеть такой простой и беспощадный, злой и бескомпромиссный в оценках образов спектакль (постановка Р. Капалаяна, режиссер Д. Мкртчян).

Пьеса К. Хониянского немного умозрительна в том смысле, что здесь каждый персонаж — прежде всего олицетворенная функция, один из вариантов отказа человека от активной борьбы за человечность.

Театр сознательно унифицирует образы спектакля. Соратники Косого (А. Зарян), внешне красивого, стройного и даже интеллигентного, возможно, и обладающего разными характерами, но ови внутренне безлики. Так же, как лишены индивидуальности персонажи другой группы — пассивные защитники человечности — Пожилой (Б. Га-

зьян), Инспектор (О. Тер-Ованесян), Шофер (Т. Хачатурян). Театр ставит тем самым знак равенства между прекраснотупыми разглагольствованиями Пожилого, животной трусостью Инспектора и мрачной покорностью Шофера. Ибо результат их вроде бы разное отношение к событиям один — потворство преступлению. Лишь Марек в исполнении А. Утмазяна — личность, индивидуальность, ибо лишь он один не смог изменить человечности, пойдя на заведомо обреченный и все же прекрасный подвиг.

Действие спектакля удивительно сжато. Отсюда — краткость, психологический лаконизм, доводящие основную мысль спектакля до физической осязаемой ясности.

Но, несмотря на это, «Ночная повесть» в Ереванском театре, — безусловно, не глубокий философский спор, не диспут о причинах страха, о пассивности добра. Этот спектакль о погрязшем человеческом достоинстве, о ценности внешне бессмысленного подвига, пробуждающего совесть у людей.

Новая работа театра — пьеса Г. Аршакиана «Слабые мира сего» (режиссер Н. Саркисян) — острая, умная и одновременно яричная, грациозно-грустная и в то же время не лишенная сатирических красок комедия.

В самом деле: существует на свете никому ни пользы, ни вреда не приносящий отдел, занимающийся учетом кавказских должников. Работают в нем, как я вступил, и плохие, и хорошие люди. Под конец этот отдел закрывают. За недобросовестность. Чтобы не тратил зря государственные средства.

Конечно, хорошо, что театр обратился к сатирическому жанру. Но заслуга коллектива и в другом, в том, как рассказал он об этом, с какой стороны взглянул на жизнь тех, кто занимает, по сути, никому не нужным делом, какое зло он увидел в этом явлении. И в этом опять ясно проявилась позиция театра, ибо даже в, казалось бы, неприязнительном материале театр уверенно нашел свое, неизменное — тему человеческого достоинства, высокого назначения человеческого личности.

Атмосферу безупречно корректной неискренности и мелочной склоки, парящую в отделе, регистрирующем кавказских стариков, создают вроде бы хорошие люди — старательный и аккуратный, мнительно-самолюбный Бабкен Восканович (А. Зарян), мягкая и державшая одновременно Анаит (Л. Киракосян), умный, честный Гарегин, который так

и не смог работать там, где не видел пользы от своего труда.

А пользы от подобной работы мало — это сознают герои спектакля, это подчеркивает и театр. Достаточно вспомнить почти интермедийную сцену, когда неожиданно начинает вращаться престальная, бесцельная, единая на весь спектакль декорация (художник С. Арутюнян), и новость откуда появившиеся фигуры суетятся с бумажками, переходя от одного стола к другому, о чем-то негромко переговариваясь, создавая бесцветный, монотонный гул...

Уютно в этой атмосфере лишь одному человеку — начальнику отдела Гегаму Минасовичу (О. Тер-Ованесян) — откровенному приспособленцу и пошляку.

И театр беспощаден к этому изысканному красавцу с безупречными манерами и абсолютно пустым взглядом холодных глаз. О. Тер-Ованесян не пользуется яркими сатирическими красками в создании образа — этого не требует драматургический материал роли и пьесы в целом, которая не выдержала бы буйных и ярких сатирических тонов. Едкая, умная ирония — вот та черта, которая отличает игру актера.

Беспольный труд унижает человека, его достоинство — это понял главный герой спектакля Гарегин (Г. Манукян). Это уже начинала понимать и Анаит. И, вероятно, поэтому самой радостной сценой в спектакле получился его финал — сообщение о закрытии отдела.

«Ночная повесть», «Слабые мира сего», «Алупа» О. Утмазяна, которую мне довелось видеть раньше, — короткие по времени спектакли. И в этом опять же, думается, не случайное, а вполне осознанное стремление театра говорить обо всем лаконично, строго, но по существу. И в этом стремлении театр явно тяготеет к жанру драматической новеллы. Планируем, скоро с театром начнут сотрудничать драматурги, почувствовавшие его стилистические особенности.

Конечно, театру пока еще не хватает глубины и тонкости постижения характера во всей его сложности.

Вероятно, глубина придет позже, когда придет и мастерство, пока еще несовершенное у молодых актеров. Что ж, это понятно: многие из них не имеют профессионального образования, многие на сцене недавно. Но уже сейчас можно смело сказать, что театр под руководством Р. Капалаяна составляет яркие индивидуальности, ибо нельзя забыть ранней душу откровенности А. Утмазяна, мужественного драматизма Г. Манукяна, острой наблюдательности А. Заряна.

Н. ШОСТАК.
ЕРЕВАН.